

К 556/425

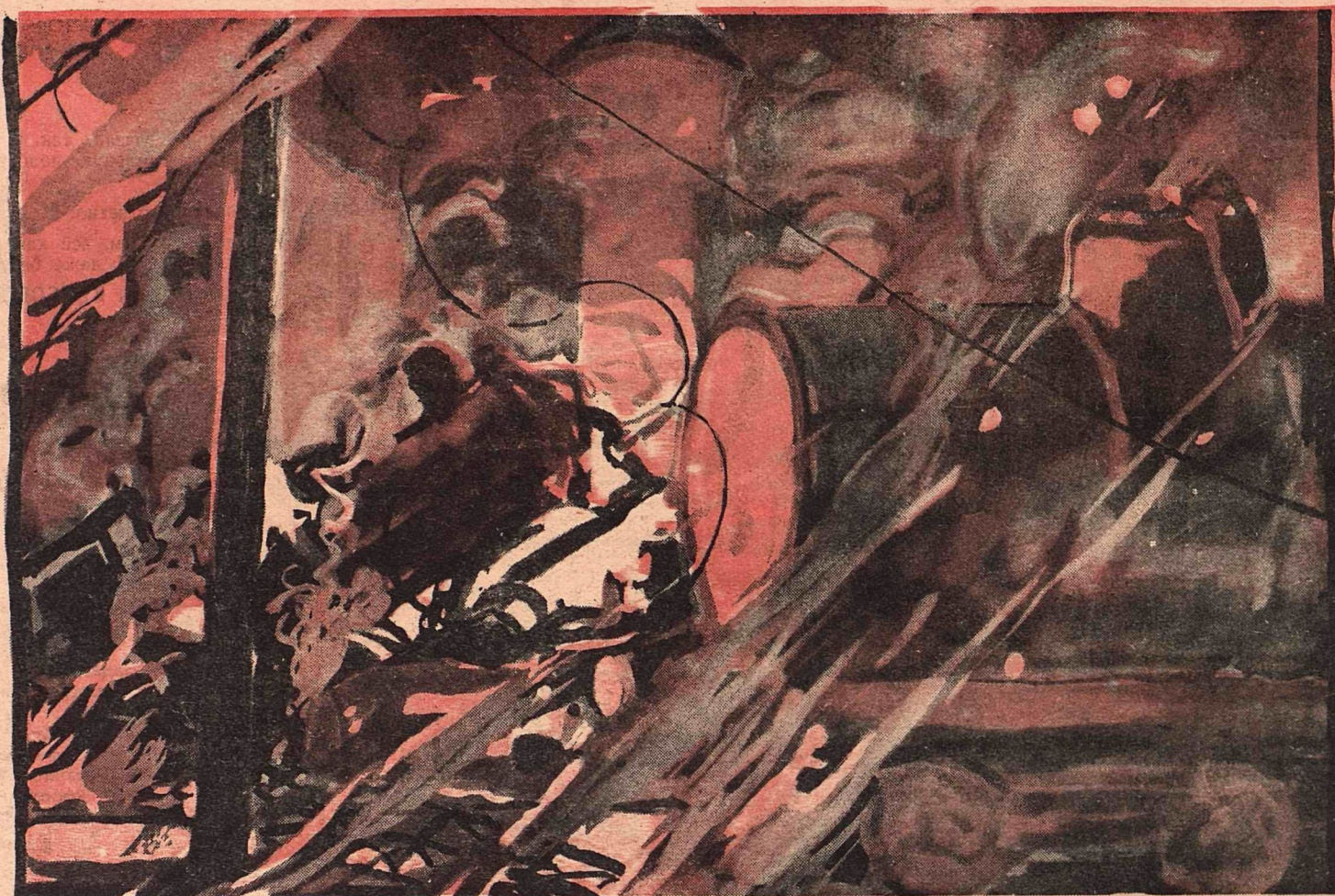
К Р О К О Д И Л

РУКИ КОРОТКИ

Рис. Бор. Ефимова

Рис. К. Елисеева

Праздничная иллюминация.

УЧЕНЬЕ — СВЕТ

РАЗВЕДЧИК гвардии красноармеец Смирнов, лежа за кочкой, заметил, что недалеко, в глубокой лощине, две роты немцев вышли на учбу.

Это было новое пополнение. Высокий сухопарый офицер бегал, суетился, размахивал руками и сердито кричал. Плохо учились фрицы. В особенности же нескладно получалось у них по команде «ложись».

Дождик, видите ли, недавно прогулялся по лощине. Кое-где большими зеркальными осколками блестели лужицы. Вот почему эти новенькие солдатики в свеженьких мундирчиках так неохотно бросались на землю.

Сухопарый офицер все более выходил из себя. В конце концов бедняга совершенно устал и даже голос потерял.

Разведчику гвардии красноармейцу Смирнову стало не по себе от этой печальной картины. «Совершенно без сил остался господин немецкий офицер, — подумал он. — Надо бы ему помочь».

Он тихонько покинул свой бугорок, быстро добрался до своих и, взволнованный, доложил гвардии старшему лейтенанту Крылову: — Так и так, товарищ гвардии старший лейтенант. Плохо немцы выполняют команду «ложись». Без нас ихний офицер никак не справится.

Командир полностью согласился с доводами разведчика — и вскоре загрели наши орудия. Первые же снаряды разорвались в самой гуще фашистов.

— Вот теперь фрицы легли как следует, — радостно сообщил Смирнов со своего наблюдательного пункта, — а то все неохотно ложились. Еще огонька!

Упелевшие новенькие солдатики в свеженьких мундирчиках пустились наутек. Но наши снаряды догоняли их, и солдатики покорно ложились на сырую землю с явным намерением больше никогда не вставать.

Но тут Смирнов заметил, что сухопарый офицер метнулся в сторону, и по всему было видно, что он пытался скрыться.

«Эге! — подумал гвардеец. — Это непорядок. Ты как офицер обязан показывать пример своим солдатам. Они легли, а ты ходишь».

Смирнов послал вдогонку сухопарому всего лишь одну пулю. Как опытный офицер, сухопарый сразу понял, что пуля, вшившаяся ему чуть-чуть пониже спины, вполне заменяет команду «ложись». Офицер, недолго думая, брякнулся носом в грязь.

«Ученье — свет, — подумал разведчик гвардии красноармеец Смирнов. — Только таким манером и надо немцев учить».

Смирнов вполне прав. Только таким манером! Другого языка немцы не разумеют.

Учить их надо, учить! Только получив хороший урок от русских бойцов, немцы начинают кое-что понимать.

Вот, например, солдат Рихард Вальтер. Как настоящий гитлеровец, это был остолоп остолопом. Но за последние месяцы он в своем развитии настолько продвинулся вперед, что написал домой такое письмо:

«В связи с огромными потерями и наступлением осени произошла резкая перемена в настроениях солдат. Мы думали, что летом война кончится и мы вернемся домой. Однако очень многие не дожили и до осени: они убиты. С приближением зимы мы почувствовали себя обреченными на смерть».

Солдат Артур Цинфель стал даже наблю-

дательным. Он заметил, что в последнее время немецкие солдаты повесили головы, а некоторые из них, повесив головы, унесли ноги.

«Многие солдаты, — пишет он, — повесили головы. Зимой мы все погибнем здесь, в России. Недавно из нашей роты сбежали к русским одиннадцать солдат».

А у румынского солдата Илие Врание здорово улучшился под Сталинградом стиль письма. У него появились художественные краски. Раньше за ним ничего подобного не наблюдалось.

«Здесь, под Сталинградом, — пишет он отцу, — наш полк понес огромные потери. Убитых офицеров и солдат грузили на подводы так, как мы с тобой, бывало, грузили дрова... Я боюсь оставаться здесь».

Ничего! Останется. И погрузят его на подводу «так, как мы с тобой, бывало, грузили дрова». Сталинград — неплохая школа для немцев, румын и прочей гитлеровской шпаны.

Ученье — свет. На душе становится светлей, когда знаешь, что на том или ином участке фронта Красная Армия крепко проучила фашистов.

Учить их надо, учить! Все языки народов Советского Союза сливаются в единое слово: «Убей немца!»

«Бар анда немец чурмейзе!» — крикнули под Ленинградом на родном своем языке красноармейцы Дяган Кохвалин и Мухаш Кошербаев.

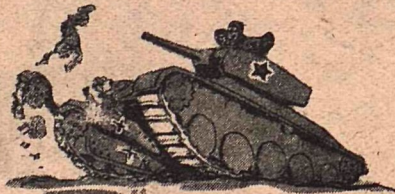
Бар анда немец чурмейзе! Это значит: здесь немец не пройдет! И действительно, там где стояли эти два казаха-героя, немец не прошел.

Своим землякам в родной Казахстан они написали в письме:

«Теперь, перед великим праздником Октября, нам хочется сказать нашей родине, нашим семьям, нашим товарищам: «Мы верны своему воинскому долгу. Мы бьем немца так, как вели вы нас, когда провожали на фронт. Мы учим немцев уму-разуму».

Ученье — свет.

Рис. А. Баженова

— По случаю праздника раздадим по маленькой!

Г. РЫКЛИН

Большая семья

В ЭТОТ праздничный день, когда в госпитале все что-нибудь да получали — кто письмо, кто посылку, — лейтенант Сорокин получил больше всех и всё сразу — и посылку, и два письма, и фотографическую карточку. Притащила ему все это сестра Люся, посмотрела печальными синими глазами и сказала:

— Поздравляю! И с праздником и с радостью. Ишь, сколько получили! Хорошо быть семейным, — и она вздохнула, потому что сама была одинока.

— Расчудесно, Люсенька, — сказал Сорокин. — А вы, когда освободитесь, приходите в палату посылку разбирать. Я до вас не буду.

И когда они вместе разбирали посылку, и вместе любовались вышитым кисетом и шерстяными носками в полоску, и радовались банке с малиновым вареньем, Сорокин вдруг, неожиданно для себя, сказал то, о чем не раз уже думал за долгое лежанье в госпитале:

— Люся, а пошли бы вы после войны замуж в большую семью?

Люся, вся красная, тихо сказала:

— Пошла бы... — и почувствовала, что большой праздник настал и у нее на душе.

— Ну спасибо, Люсенька, родная, — обрадовался Сорокин. — Только ведь у меня семья огромная: мама — она в Калининне живет; братишка с сестренкой — они в Омске, в детском доме. Только мы уже спялись, они скоро к маме переедут. Да и еще дедушка с бабушкой. Испугались?

— Даже ничуть, — сказала Люся. — Чем больше, тем лучше. Всех любить буду.

Когда Люся ушла, командир, сосед по койке, сказал:

— Ты, братец, извини, я нечаянно подслушал. Только что же это ты девушке с места в карьер наврал? Даже еще не будучи мужем?

— Честное слово...

— Да нет, я же знаю. Ты мне всю историю своей семьи рассказывал. Мамашу ты себе приобрел, кажется, в Калининне, когда город освободили, так ведь?

— Так точно. И ведь мамаша-то какая великолепная оказалась! Как я ее увидел в первый раз, сидит на пепелище, голова седая, непокрытая, так сердце у меня и зашлось. Потом выяснилось: никого у ней не осталось; а она мне: сынок да сынок... Ну, так и решили, благо у меня тоже никого нет, бобыль. Я ей и аттестат свой оставил, получает за меня.

— Ну, это ладно, я знаю, — сказал командир. — Теперь сестренку с братишкой ты себе по почте приобрел?

— По почте. Сироты ведь, как и я. Пишут мне из детского дома, рисунки рисуют, а теперь карточку прислали. До чего же ребятки хорошие!

— Ну, и это все так. А дедушка с бабушкой? Они у тебя вдруг откуда?

— Товарищ командир, а война-то не кончи-

лась. Как отберем все назад, так я себе и деда и бабушку замечательную подберу. Как вы думаете?

Командир помолчал и ответил:

— Думаю, что и отберем, всё как есть, и всех как есть подберем. И даже безусловно.

В. КАРБОВСКАЯ.

Лисица и Сталинград

(Басня)

Фашистская лиса пошла на Сталинград:
Стерляжья ей мерещилась ущица.
Зубами ляскает лисица,
Как жар, глаза у хищника горят...
Да рыба волжская сидит глубоко.
Лиса то в лоб зайдет, то с боку вдруг
шмыгнет, —

«Хоть видит око,
Да зуб неймет!»
Лиса затеет и сама не рада:
Уж третий месяц у нее трещат бока,
На морде у нее досада.
— Хоть рыбы много, — говорит, —
у Сталинграда, —

Да чересчур костиста и жестка!
Из басни вывод следует короткий:
Ущица у лисы колом застряла в глотке.

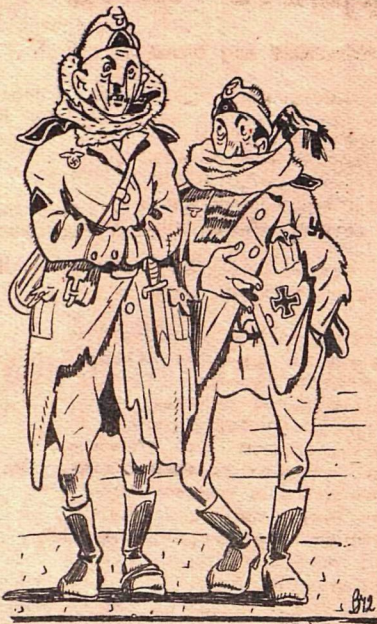
В. ГРАНОВ

СРЕДЬ ШУМНОГО БОЯ

Рис. Б. Фридкина.

— Убью ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что убью!

— Как, у вас в полку уже мерзнут?
— Представь, наоборот: полк таеет.

✓ Будь то море или суша, — выбивай из немца душу!

Немцу паш не до обеда,
Где под боком моряки.
В море немца ждег торпеда,
А на суше ждуг штыки.

На укрыться фрицу в дотах,
И скала ему — не щит.
Где морская бьет пехота,
Там у фрица лоб трещит.

— Хорошо мы убираем, —
Краснофлотцы говорят. —
Так прошабрим, так продраим, —
Фрицы замертво лежат.

Море северное люто
Для фашистов круглый год.
Корабли врага в минуту
Топит наш подводный флот.

У балтийцев есть привычка
И один любимый спорт:
Чтоб фашист глотнул водички,
Пробивая торпедой борт.

В Черном море немцу горе,
С ним случается одно:
Показался немец в море —
Полезай к чертям на дно!

На Кавказе Терек злитися:
— Хоронить устал врагов:
От убитых гансов, фрицев
Выхожу из берегов!..

Портиг Волга немцам нервы,
Танки факелом горят.
И немецкие резервы
Истребляет Сталинград.

Пушки промом, пули свистом
Не пугают моряка,
Не дадим тебя фашистам,
Волга — матушка-река!

Посылай, моряк, скорее
Шквалы залпов с корабля,
Под немецкой батареей,
Заплясала чтоб земля!

Нам, что немцы, что румыны, —
Все равно уложим в гроб.
Не покажут немцы спины —
Стукнем пулей прямо в лоб.

Будь то море или суша,
Ширь степная, гладь реки —
Выбивай из немца душу,
Ведь на то мы моряки!

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

Артель «Напр»

Рис. И. Семенова

Ба! Знакомые все рожи! Подонки Европы, фашистская шпана — Гитлер и его лакей.
Под присмотром немецкого ефрейтора холопы заняты постройкой воровского
Каждый занят своим делом. Лаваль (а ему помогает Дорио) тащит связанного фран-
местительству снабжает стройку песком. Хорти и Антонеску вносят свою долю черепалам.
Квислинг старательно вербует «добровольцев». Общипанный Муссолини, имея ноль цен-
на русском фронте. Палач Гиммлер поощряет кнутом Павелича, Дегреля и прочую ме-
тан ни на секунду.

Но, как видите, не ладится и со стройкой. То там, то здесь появляются все новые пр-
собой всю эту артель вместе с ее «прорабом»!

(Октябрьская шуточная)

ритона под названием «Новая Европа».
дузского рабочего. Таннер и Маннергейм несут бревно, а дряхлый барон по сов-
венгерских и румынских солдап. Болванка из Виши Петэн утрамбовывает глину.
ых и ноль ноль десятых в приходе, густо изучает расход... немецких дивизий
кую шпану. А Геббельс— тот, по обыкновенно льет воду, не затыкая свой фон-
щины. Вы чувствуете, как стена колыхается? Вот-вот она рухнет и похоронит под

1

К поезду, на станцию, колхоз
Для бойцов подарков воз привез,

Чтоб на фронт с гостинцами багаж
Прибыл точно в светлый праздник наш.

Так в письме решили написать:
«Октябрю сегодня двадцать пять,

В знак того гостинцев вам послать
Мы хотим — всего по двадцать пять:
Двадцать пять кило варенья,
Двадцать пять кулчков печенья,
Двадцать пять флакончиков духов,
Двадцать пять отборных кур и петухов,
Двадцать пять коробок серных спичек,
Двадцать пять пуховых рукавичек,
Чтоб в мороз тепло было стрелять.
И приветов тоже — ровно двадцать пять».

2

На соседней станции в вагон
Подвезли подарков восемь тонн.

И поскольку груз теперь иной,
Сделали поправки в накладной.

Юбилейной цифры — «двадцать пять» —
Все же порешили не менять,

И в записке значится опять:
«К празднику — всего по двадцать пять:
Двадцать пять пудов варенья,
Двадцать пять кулей печенья,
Двадцать пять бутылочек духов,
Двадцать пять четверок кур и петухов,
Двадцать пять десятков серных спичек,
Двадцать пять полдюжинок рукавичек,
Чтоб в мороз тепло было стрелять,
И приветов — ровно пятаю двадцать пять».

3

По дороге груз все рос и рос,
Допыхтел до фронта паровоз.

Разгружали целых три часа,
Смотрят в накладную — чудеса!

От поправок текст не разобрать,
Только видно: цифра двадцать пять

И слова: «Вы можете считать,
Что гостинцев всех — по двадцать пять:
Двадцать пять полтонн варенья,
Двадцать пять кулей печенья,
Двадцать пять кадушечек духов,
Двадцать пять насестов кур и петухов,
Двадцать пять полтысяч серных спичек,
Двадцать пять «чего-то» рукаичек,
Чтоб в мороз тепло было стрелять.
И приветов ровно четыреста девяносто
четыре тысячи восемьсот двадцать пять».

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

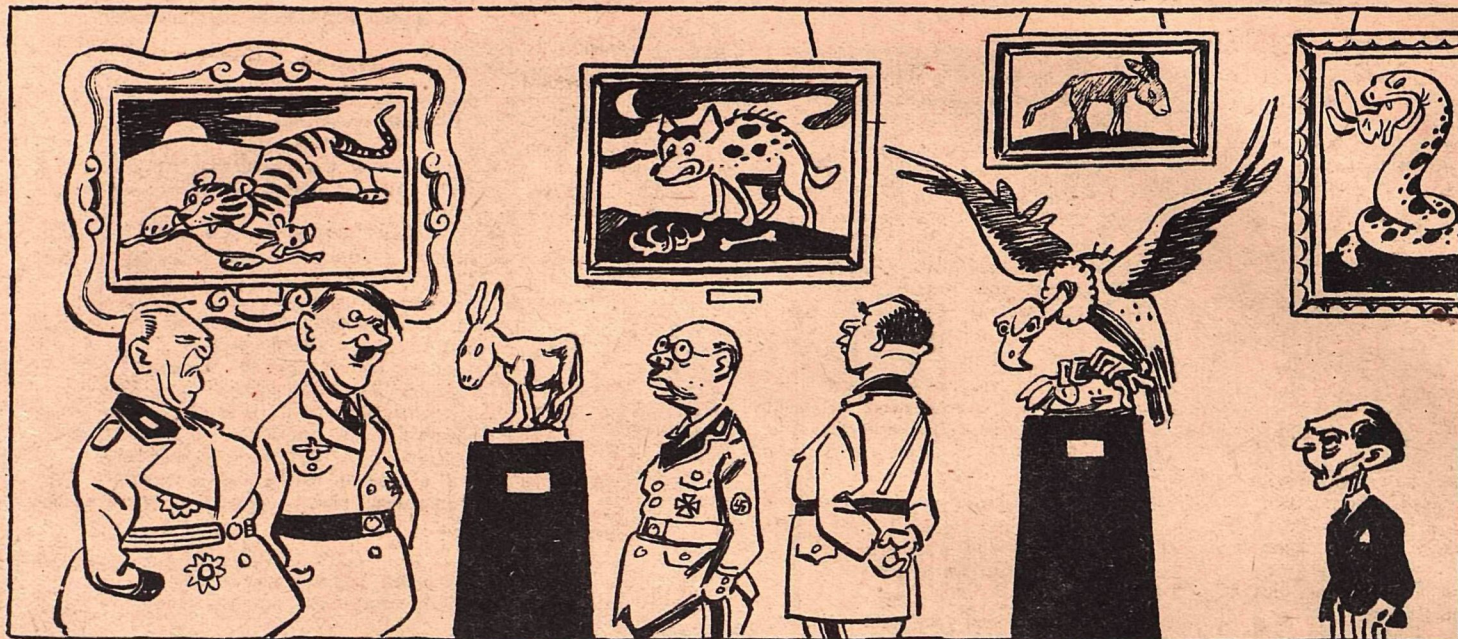
Рис. Б. Клинка

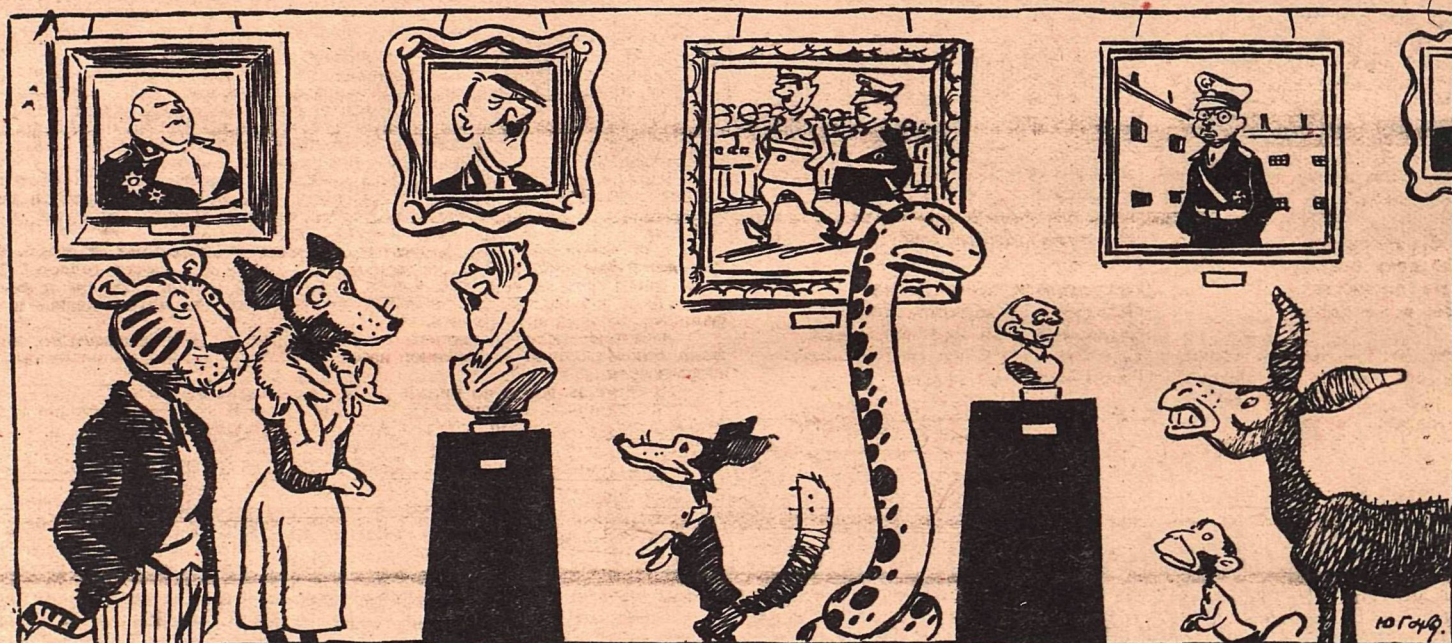
— Хотел бы я видеть сейчас
нашего земляка Ганса Краузе.
— Но ведь он попал в плен.
— Вот поэтому-то я и хотел бы
его увидеть.

Рис. Ю. Ганфа

В Берлине открыта художественная выставка, на которой представлены главным образом хищники.

Звери на выставке.

Выставка зверей.

Новые отрывки из Плутарха V

1 ПИРРОВА ПОБЕДА

1. ...Пирр же, царь Эпира, был человек воинственный, но легкомысленный. Ему говорили: «Ну, куда ты, Пирр, прешь? Владения Рима обширны, а народ силен и упорен. Ты его не победишь, а себя погубишь».

2. Но Пирр отвечал: «А вот и не погублю! А вот и одержу победу. Хочу основать Великую Грецию, и чтобы в ней Рим был одной из провинций и чтобы римляне были моими рабами. Превзойду самого Александра Македонского и всюду установлю новый эллинский порядок».

3. Сказав так, он выступил в поход на Рим с войском в 23 тысячи человек и 20 слонами. Он говорил, что дойдет до Рима за две декады и устроит там Олимпийские игры. Но в городе Гераклеи римское войско задержало Пирра и произошло жестокое сражение.

4. Римские солдаты впервые увидели слонов и не знали, как против них сражаться. Пирр одержал победу, но потери были так велики, что Пирр не мог двигаться дальше и зазимовал на пути в Рим.

5. Тарентинцами по случаю победы Пир-

ра, а у тех, кто говорил, что потери очень велики, вырезали язык, и они ничего больше не говорили о потерях.

6. Наступила весна, и Пирр снова двинулся на Рим. Но по пути он застрял в Апулии, под стенами Аускула. В бою римские солдаты бросали в слонов жаровни с горючим, и несколько слонов были подбиты, а прочие повернули обратно.

7. Пирр снова одержал победу, но когда он подсчитал оставшихся в живых солдат и слонов, то сказал: «Еще одна такая победа — и я останусь без войска».

8. Сказав так, он повернулся и ушел из Италии, не желая оставаться на вторую зиму и еще больше ввязываться в тяжелую историю.

9. А пиррова победа после этого стала означать поражение.

II ЛЕГИОНЫ ВАРА

1. Публий Квинтилий Вар пришел к принцепоу Августу и сказал: «Великий цезарь, повелитель Рима, дай мне легионы побить тевтонов».

2. Но император Август ответил: «Тебе дать, другому дать — сам без легионов останусь. В чем, Вар, ходить буду?»

3. Публий же Квинтилий Вар пристал, как банный лист: «Дай да дай! Ей богу, верну!» И ведь добился своего.

4. Получив вымогательством итальянские легионы, Вар погнал их против Арминия — предводителя херусков.

5. Итальянские легионы шли, проклиная Вара, по неведомым местам и заблудились в Тевтобургском лесу.

6. Тут Арминий их всех и прикончил.

7. Когда Август узнал об этом, он разорвал на себе новую тогу, бился головой о стену и повторял одно и то же: «Вар, Вар! Отдай мне мои легионы!» Но, конечно, итальянские легионы — тью-тью на чужой стороне.

8. Приближенные императора говорили ему: «Ваше величество! Головой стенку не прошибешь, а новую тогу зря рвать. Не надо было легионы отдавать. Откуда их теперь возьмешь? Что с римского воза упало, то пропало».

9. Такова верная история итальянских легионов.

С древнегреческого перевел
Д. ЗАСЛАВСКИЙ

(Глава из поэмы «Василий Теркин»)

— Нет, ребята, я не гордый,
Не загадывая вдалеку,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще, едва ли,
Тут войю, а не гадай,
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое:
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет,
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий,
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдум.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно все же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда...

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего.
— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?

Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет...
— Нет, — сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.

Нет, ребята, что там орден!
Не загадывая вдалеку,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль?
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдалеку.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою,
А не носит писем почта
В край родной Смоленский твой.

Где девчонки? Где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе...
Страшный бой идет кровавый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Посмотрите на этого красавца. Нос в саже. Руки в грязи. Склонивый рот открыт. В тупых, бессмысленных глазах животный страх. Испугался Фриц! До того испугался, что пополз на четвереньках. На снимке — дикий зверь, которого фашистская банда напустила на наши города и деревни, на наши дома и семьи, на наших жен и детей. Сейчас этот жалкий трус ползает на четвереньках и хнычет, и воеет, и плачет. Он умоляет пощадить его, сохранить ему его поганую жизнь. А что гадина делала час тому назад?

На одном из участков нашего Западного фронта бойцы Н-ского подразделения стремительным ударом опрокинули немцев и ворвались в деревню. Ошеломленные немцы пустились наутек, бросая пушки, автоматы и прочее оружие.

А в одной избе под кроватью спрятался обезумевший от страха вот сей плывавый фашист. Всплила наша бойца в небо. Фу, какая гадость! Чем это здесь так дурно пахнет? Оказалось, это фрицем воняет. Вот он и сам вылезает. А у командира был с собой фотоаппарат. Он мигом щелкал — и законил фашиста во всей его красоте.

А потом сюда бежали местные жители. Они рассказали, как этот фриц безобразничал в деревне: избивал людей, грабил, насильничал, ходил зверь-зверем...

Приятно и радостно видеть врага, поверженного врага. Так ударь же крепче, боец, по фашистам! И тогда все больше и больше будет фрицев, ползающих перед тобой на четвереньках.

Гонорар ✓

В КНИЖНЫХ издательствах финансовые дела литераторов ведет, как известно, бухгалтер. В энской части эти функции добровольно взял на себя ефрейтор Голубев. Даже находясь в разведке, он помнил о своих бухгалтерских обязанностях, и, когда один из сопровождавших его бойцов метким выстрелом убил двух немцев, Голубев тут же записал на листочке:

«В счет литературного гонорара тов. Силова внес двух (2) фрицев».

В этой же графе значилось:
«Скарбин — 1. Портнов — 3. Георгадзе — 2. Кулиев — 3. Голубев — 2».

Итого вместе со взносом Силова выплачено авансом тов. Н. П. Федорову 16 фрицев. Следует еще 34. Срок уплаты — 7 ноября».

Срок этот приближался, кредитор был известен своей аккуратностью, и Голубеву беспокоило, что в кассе не хватает наличности. То есть немцев убивали каждый день, но, по договору, заключенному с Н. П. Федоровым, ему нужны были не вообще уничтоженные немцы, а лишь те, которые отправлены на тот свет сверх плана.

27 и 28 октября «в кассу» поступила мелочь — три или четыре гитлеровца. Голубев обошел всех должников и напомнил, что договор должен быть выполнен в срок, иначе придется краснеть перед Н. П. Федоровым. Дела стали поправляться. Красноармеец Со-

коленко, отправленный с донесением, встретил по пути пятерку немцев, метнул в них связку гранат, четырех убил и одного ранил.

Снайпер Грибов ночью был легко ранен, но в госпиталь не согласился пойти и, замаскировавшись в кустах, в течение нескольких часов «заработал» до десятка фрицев.

Бойцы роты имели право на отдых, но никто и думать об этом не хотел, ибо со дня на день надо было ожидать приезда Н. П. Федорова. Голубев торжествовал: по первому требованию он мог выплатить всю сумму. На исходе дня 31 октября подсчет показал, что аванс превышает размеры гонорара, причитающегося с роты.

1 ноября на передовые позиции неожиданно приехал Н. П. Федоров. Бойцы ожидали его гораздо позже, но, тем не менее, встретили его как желанного гостя. О делах финансовых обе стороны молчали. Только в конце обеда, когда речь зашла о новых книгах, изданных в Москве, бухгалтер, он же ефрейтор Голубев, деликатно намекнул, что бойцы ждут от гостя своевременного выполнения взятого им на себя обязательства.

— Всего шесть дней осталось, Николай Петрович, — сказал Голубев.

Но и гость не был застигнут врасплох.

— Я свое обязательство выполнил досрочно, — с улыбкой заявил он.

И, вытащив из портфеля рукопись, Николай

Петрович Федоров, чьи литературные произведения широко были известны на фронте, стал читать рассказ о героических делах тех самых людей, которые в эту минуту были его слушателями. Умелой рукой мастера он нарисовал портреты многих бойцов, и героический рассказ, присутствовавшие тут же, по-новому переживали события прошлого, в которых они принимали самое непосредственное участие.

Чтение окончилось. Бойцы молчали, охваченные обилием впечатлений.

— Вот и все, — прервал молчание Николай Петрович, — и гонорар, как мы с вами условились, уплатите мне 7 ноября.

Но тут вмешался Голубев:

— Фирма наша, товарищ Федоров, вполне располагает средствами. И поскольку вы досрочно выполнили договор, можете получить весь литературный гонорар. Вот извольте: пятьдесят фрицев. Полсотни, как одна копейка. И еще остается в кассе пятнадцать. За хорошую продукцию решили мы вас премировать. Таким образом, за рассказ получаете шестьдесят пять гитлеровцев, уничтоженных нами в сверхплановом порядке. Растопитесь в получении, Николай Петрович, все в порядке.

И, сложив вчетверо расписку писателя, Голубев бережно спрятал ее в свой бумажник.

И. ВЕРХОВЦЕВ

20

✓

2664

Рис. Л. Бродаты

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

Э. И. И. И.

Ред. Ии Палаи Поду...

	Период и серии	„Лет рецензия“	
Получ. в ред.			
Сдан в архив	10/20		

— Знаешь, Шалва убил уже 93 немцев из родовой мести.
 — За кого же он мстит?
 — За Дмитрия Иванова, Тараса Евтушенко, Абдуллу Акиева и Атыка Бабаяна.